

Наш комсомолец - 1998. - 30 июля. - с. 8.

ОД БЕЗ НИКУЛИНА

Король анекдотов и президент России

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ: "Он был очень приветливый человек. Все время улыбался. С ним было легко. Когда после первой своей программы я предложил его подвезти, он очень обрадовался, что у меня "Жигули", а не "Мерседес". Очень любил нецензурные анекдоты. Но как он их рассказывал! Когда он пригласил меня к себе в гости, я думал, что попаду в дом-музей. А обстановка у него оказалась очень скромной: кругом книги, книги... В "Белом попугае" я стал его доверенным лицом. Кто-то выступает с анекдотом, а он шепчет мне на ухо: "С бородой". Или: "Не так рассказывает". Юрий Владимирович не очень хорошо выговаривал некоторые слова. Ему нужно было произнести название спонсора — "Вимм Билль Дан", а у него не получалось. Тогда он наклонился ко мне: "Мишка, скажи ты". Иногда он не знал новых гостей, хотя всем улыбался, но тихонечко спрашивал: "Миш, а это кто?" — "Доллина". — "А-а-а!" — и продолжал улыбаться. Сейчас без Никулина начались мелкие склоки. Это раздражает, но ничего, выправимся. Когда про меня пишут: "Боярский с гасконской наглостью занял кресло Никулина", — могу ответить одно — это глупо и зло."

ГРИГОРИЙ ГОРИН: "Никулин был очень тактичен, терпелив. Как-то во время съемок на него упал тяжеленный софит. Прямо на голову. Его заклеили, он мужественно это перенес и только сказал: "Будем считать, что Никулин сегодня был в ударе". Когда ему рассказывали анекдот, он хихикал, его спрашивали: "Вы слышали этот анекдот?" — "От вас еще нет", — почти всегда отвечал он. Мы со съемочной группой были в Израиле и пошли к Гробу Господню. Там стояла длинная очередь. Наш сопровождающий Лева обратился к людям на иврите. Толпа закивала и тут же пропустила Никулина. "Что ты им сказал?" — спросили мы. "Я им сказал, что это президент России".

ПРАВДИВЫЙ АНЕКДОТ ПРО НИКУЛИНА. В минском оперном театре давали "Пиковую даму". Во время спектакля к Никулину подсел театральный директор и стал комментировать: "Обратите внимание на эту певицу, это прима". И так про каждого артиста. По окончании директор пригласил Никулина на завтрашнюю "Аиду". "О, в вашем исполнении это будет очень интересно", — поблагодарил Юрий Владимирович.

ЕЛЕНА КРАСНИКОВА, художественный руководитель ТО "Эльдарадо": "Наш "Белый попугай" существует уже 5 лет. Сначала был

замысел сделать разовую рекламную программу к изданной "Антологии анекдотов". Весь "Белый попугай" строился на его вкусах и его индивидуальности. На съемках Юрий Владимирович был самым дисциплинированным человеком, хотя и очень упрямым. Был открыт для всех. Если кто-то ему нравился, то свои симпатии изливал тут же. В Гарика Сукачева он просто влюбился. Если кто-то из гостей стеснялся и зажимался, то рассказывал какой-нибудь матерный анекдот, и все буквально падали от смеха под стол. Все его по-разному называли: Арканов — Юрой, Горин — дедушкой, Боярский вообще воспринимал как божество.

Первые год-полтора мы получали очень много писем от антисемитов типа "Зачем же ты, Юра, евреям продаться". По этим письмам все оказывались евреями, за исключением разве что Куравлева. Поэтому мы старались, чтобы евреи рассказывали анекдоты про своих, украинцы (Филиппенко, Удовиченко, Полищук...) — про своих и т.д.

Незадолго до его смерти мы виделись или созванивались с ним каждый день. Он все смеялся: "Лягу на несколько дней, обследуюсь и приду. Съемки не отменяй". После его смерти мы хотели закрыть программу, а потом поняли, что продолжение "Белого попугая" будет ему лучшей памятью."

ПРАВДИВЫЙ АНЕКДОТ ПРО НИКУЛИНА.

Ю.В. провозжат из цирка. Подняли на руки, понесли. Никулин растрогался, комок к горлу... А потом подумал: сколько народу! Так на всех водки не хватит — и не заплакал.

АРКАДИЙ АРКАНОВ: "Его привозили на съемочную площадку перед самым началом, потому что все-таки возраст, обстановка нервная. И если было что-то еще не готово, его это очень напрягало. Он мог вызвать режиссера: "Слушай, ну мы начнем когда-нибудь или нет?" — "Шас-шас, Юрий Владимирович". — "Ну давай-давай". Да, иногда сердился, но никогда не скандалил, не закатывал истерику, не ставил условия. Всех знал, со всеми здоровался. Мог встретить осветителя и начать рассказывать ему новый анекдот. А когда ему рассказывали, громко никогда не смеялся, но если говорил: "А это ничего" — значит анекдот ему страшно понравился, и он заносил его к себе в книжку.

У Никулина был божий дар рассказывать анекдоты. Ни разу не было такого, чтобы люди не среагировали и не засмеялись после его рассказа. Ни разу. Когда я вел вместе с ним "Белый попугай", то чувствовал себя очень уверенно, потому что знал: если что у меня сорвется, он всегда прикроет — конечно же, анекдотом. У него была фантастическая память на чьи-то просьбы. Стоило только обронить: "Юр, организуй в цирк четыре билета". — "Понял, приходи через два дня, будут лежать на контроле". И все делает, а если начнешь повторять: "Юр, ты помнишь?" — обидится. К нему никогда не приставала пошлость, хотя он любил похабные анекдоты. Как-то, еще во времена нашего пуританства и ханжества, на одном полуправительственном собрании в Колонном зале он вышел и рассказал такой анекдот: "Встречаются Ярузельский с Рейганом. Рейган показывает свои апартаменты, шикарную ванну, позолоченный унитаз. На что Ярузельский отвечает: "Вы знаете, г-н президент, в Варшаве жила пани Людвиковская, у нее в квартире было 8 унитазов из золота, серебра, бриллиантов. Но, когда пришли русские, она обоссалась на лестнице". И был просто взрыв хохота, и ни у кого не было даже мысли, что это непристойно. Но вот я слышал, как этот же анекдот рассказывал другой, весьма известный человек, — и выглядело все скабрено, грубо, отвратительно."

ЛЕВ ДУРОВ: "Это было очень давно. Никулина тогда еще никто не знал. В цирке был так называемый общественный просмотр, куда приглашали только своих, артистов. Пришел и я. Показывали номер с наездниками. Вот они отскакали, вдруг вызывают кого-то из зрителей. Естественно, все жмутся, никто не хочет выходить. Конферанسه направился к какому-то худшему мужику из четвертого ряда. Существо это было одето в кирзачи, бушлат, жуткую тельняшку. На голове мичманка со сломанным козырьком. Он в ужасе смотрел на лошадей, зал смотрел на него. И тут началась эпидемия смеха. Амфитеатр ржал — не чет лошадям. Конечно, его посадили на лошадь задом наперед, он держался за хвост, выпучивал глаза и скакал по кругу. Конечно, он несколько раз падал, его сажали опять. Напротив меня сидел Михаил Иванович Жаров — охал, ахал. Потом вдруг заорал: "Ой, я описался". После никто не мог уже выступать. Жонглер трясся в смехе как паралитик, развел руками и ушел. Все потянулись к выходу, еле добрались до скамеек на улице и падали на них с жутким хохотом. Этим человеком был Никулин."

Александр МЕЛЬМАН.

67
65